

УТЪШЕНІЯ ВЪРЫ НА СМЕРТЬ ДѢТЕЙ-МЛАДЕНЦЕВЪ.

О мнѣ не рыдайте, плача бо ничтоже начинахъ достойное, паче же самихъ себе согрѣшающихъ плачите всегда, сродники и друзи, умершій зоветь младенецъ (чинъ погр. млад., цѣнь 5 канона).

яжко болитъ сердце, когда приходится провожать въ могилу близкаго намъ человѣка. Но нѣтъ тяжелѣе той болѣзни, какую испытываютъ нѣжные родители при смерти своихъ дѣтей; нѣтъ обильнѣе слезъ матери, нѣтъ жгучѣе слезъ отца надъ гробомъ дитяти. Видѣтъ въ тлѣнии и разрушеніи плоть отъ плоти своя; скрыты подъ землею часть, такъ сказать, собственнаго бытія; лишиться всѣхъ радостей, какія, обыкновенно, испытываетъ нѣжное сердце родителей, когда дѣти ихъ цвѣтутъ здоровьемъ, красотою, отличаются умомъ, ласковостію къ родителямъ — можно ли перенести все это безъ жгучихъ слезъ, безъ тяжкой скорби? Достойно, по истинѣ достойно *многажды предъ гробомъ сосцы бѣютъ и глаголютъ: о сыне мой и чадо сладчайшее! не слышиши ли матере твоя, что въщяетъ? се и чрево носившее тя, чесо ради не глаголеши, яко глаголахъ еси намъ* (икось, чинъ погреб. млад.).

Но сколь ни велика скорбь, какую испытываютъ родители, при гробѣ любимыхъ дѣтей, однако утѣшенія вѣры возвышаются и надъ нею. *О мнѣ не рыдайте, сродники и друзи, въ настоящемъ случаѣ устами Церкви умершій зоветь младенецъ; паче же самихъ себе согрѣшающихъ плачите всегда.*

Св. вѣра наша, для облегченія скорби родителей въ смерти ихъ дѣтей-младенцевъ, представляетъ двоякаго рода утѣ-

шенія, показывая, чего съ одной стороны *избѣжалъ умершій младенецъ*, съ другой — *что онъ сподобился получить по смерти*.

Въ самомъ дѣлѣ, можно ли плакать о смерти младенца? Можно ли плакать, на примѣръ о томъ, что онъ не успѣлъ насладиться здѣшней жизнью, не вкусилъ обаятельныхъ сладостей здѣшняго міра? Плачутъ объ этомъ дѣйствительно, но плачутъ тѣ люди, у которыхъ не просвѣщенъ св. вѣрою взглядъ на настоящую жизнь и на ея радости. Что жизнь наша, по представленіямъ нашей вѣры? По своему продолженію, она есть *снѣгъ и соніе, пара есть, яже вмаля является, потомъ же исчезаетъ*. Сто лѣтъ жизни нашей не составитъ и замѣтной точки въ отношеніи къ вѣчности. Будетъ ли послѣ этого плакать о прекращеніи бытія земнаго тотъ, кто, по внушеніямъ вѣры, постоянно устремляетъ взоръ свой за предѣлы гроба и размышляетъ о вѣчности? *Воистину суето всяческая*, скажетъ онъ, *житіе же снѣгъ и соніе: ибо все мятется всяко земнородный, якоже рече писаніе* (чин. погреб. млад. трон.). И если мы еще дорожимъ здѣшней жизнью, желаемъ и ожидаемъ ея продолженія, то это показываетъ только, что мы мало думаемъ о вѣчности и холодно держимся убѣжденій вѣры.

Что жизнь наша, по своимъ радостямъ и благамъ? Кромѣ того, что эти блага и радости обманчивы, мимолетны, суетны, — ихъ еще очень мало всегда достается на нашу долю, въ сравненіи съ тѣми трудами, скорбями, болѣзнями и опасностями, которыя мы испытываемъ. Жизнь наша есть юдоль плача. Какбы въ доказательство этого, младенецъ и встрѣчаетъ ее не улыбкою, не радостію, а горькимъ болѣзненнымъ плачемъ. Плачевенъ входъ нашъ въ настоящую жизнь, плачевно и ея продолженіе. Сколько употребляется трудовъ, сколько предосторожностей для того, чтобы только поддержать жизнь слабаго младенца! Легкое дыханіе вѣтра уже навѣваетъ на него болѣзнь, неосторожное внушеніе самой обыкновенной пищи приноситъ ему множество новыхъ страданій, родителямъ

— новыхъ скорбей. Сколько падений, сколько ушибовъ испытываетъ младенецъ еще прежде, чѣмъ начнетъ онъ понимать что нибудь изъ окружающихъ его предметовъ! Такъ тяжки, такъ безотрадны первые дни нашей жизни. Что же далѣе? Младенецъ вырастаетъ; изъ младенца—онъ дѣлается отрокомъ и юношей. Жизнь и сила кипятъ въ немъ. Ему нужно воспитаніе. Сколькихъ слезъ, сколькихъ мученій стоитъ ему узнать самыя первые начатки образованія! Знаніе самыхъ близкихъ, самыхъ простыхъ предметовъ не обходится безъ усиленныхъ трудовъ. И если бы сравнить всѣ заботы, взвѣсить всѣ слезы и скорби съ тѣмъ количествомъ знаній, какому они принесены въ жертву,—какъ ничтоженъ оказался бы плодъ ихъ! Можетъ быть, на сто слезъ не пришлось бы и одного знанія. Что дальше? Человѣкъ получилъ блестящее образованіе; достигъ зрѣлаго возраста, вступилъ въ супружество, сталъ отцемъ или матерью семейства. Радости и сладости должны бы, кажется, сдѣлаться полнымъ его достояніемъ. Что же видимъ на дѣлѣ? Опять только скорби, труды, опасности. То нужно позаботиться обезпечить свое состояніе: каждый день приносить новыя заботы, новыя труды о томъ только, чтобы прожить, не чувствуя горькой нужды, чтобы имѣть, что ѣсть, что пить, во что одѣться, а тутъ болѣзни, а тамъ обманы, здѣсь — потери и лишенія, или естественныя бѣдствія и несчастія. *Бѣды въ рѣкахъ, бѣды отъ разбойниковъ, бѣды отъ сродникъ, бѣды отъ языкъ, бѣды во градѣхъ, бѣды въ пустыни, бѣды въ мори, бѣды во лжебратіи* (2 Кор. 11, 26). То нужно пристроить своихъ дѣтей: а тутъ ихъ невнимательность, тѣлесные и душевные недостатки, тамъ соперничество и обиды, тамъ ихъ болѣзни. И кто перечислитъ всѣ бѣды настоящей жизни? А много ль радостей? И что это за радости? Человѣкъ достигъ почестей, — въ славѣ и богатѣ. *Душе, говоритъ онъ подобно евангельскому богачу, имаша благи многа, лежаща на лѣта многа: почивай, ажьды, тѣй, веселися.* Но ущедренный всѣми благами жизни, развѣ бываетъ доволенъ своимъ состояніемъ? Нѣтъ! онъ еще болѣе

мучится жаждою новыхъ благъ, новыхъ радостей. Каждая удача въ немъ еще болѣе распаляетъ эту жажду. Онъ и тутъ несчастливъ. А что сказать о свойствѣ этихъ радостей и сладостей мірскаго житія? Рѣдкая изъ нихъ не преступна; рѣдкая изъ нихъ не подвергаетъ человѣка страху вѣчныхъ наказаній, вѣчной смерти... Что жъ? — Стоитъ ли послѣ этого жалѣть о томъ, что младенецъ умираетъ, не вкусивъ этихъ сладостей? Нѣтъ! не жалѣть объ немъ, а ублажать его нужно въ этомъ случаѣ, какъ и дѣлаетъ св. Церковь наша, взывая: *миши азъ еси благъ земныхъ твоего младенца, да небесныхъ Твоихъ благъ сею причастника покажеша, не преступльшаго божественное Твое повелѣніе: славимъ Твоихъ, Блаже, судьбы глубину безмирную* (пѣснь 6). Какъ многіе изъ тѣхъ, которые долго проживутъ въ здѣшнемъ мірѣ въ обилии благъ земныхъ, окруженные всѣми дарами счастья, можетъ быть, горько, горько будутъ плакать, при исходѣ изъ сего міра о томъ, что они въ продолженіи своей жизни такъ много успѣли вкусить житейскихъ сладостей, и какъ многіе тогда пожелали бы быть на мѣстѣ умершихъ младенцевъ! *О мнѣ не рыдайте, умершій зоветъ младенца: плача бо ничтоже начинатъ достойное.* «Я рано умеръ, за то не успѣлъ и очернить себя грѣхами, какъ вы, и избѣгъ опасности грѣшить; посему, лучше о самихъ себе согрѣшающихъ плачете всегда!»

Наконецъ, что такое настоящая жизнь наша по отношенію къ жизни будущей? Это есть время странствованія и пришельствія съ одной стороны, съ другой — время приготовленія къ жизни вѣчной. Всѣ мы странствуемъ въ этой юдоли плача къ горнему небесному отечеству, и *не имамы здѣ пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ* (Евр. 13, 14). Можно ли же сокрушаться о томъ, что любимыя нами существа, умирая раньше насъ, раньше приходятъ въ свое отечество и скорѣе насъ обрѣтаютъ то, чего мы еще взыскуемъ! Можно ли сокрушаться о томъ, что странникъ достигаетъ наконецъ роднаго крова, гдѣ нѣтъ ни трудностей странничества, нѣтъ ни болѣзни, ни печали, ни воздыханія? Если мы истинно и по-христіански любимъ

умершихъ, то не скорбѣть, а радоваться должны о ихъ блаженной участи. Они счастливые насъ; потому что они уже дома, подъ кровомъ Отца небеснаго, а мы еще взыскуемъ этого крова — и Богъ знаетъ, найдемъ ли его. Св. Божіи чловѣчки, которые должнымъ образомъ смотрѣли на настоящую жизнь, желали и молили Бога, чтобы скорѣе насталъ конецъ ихъ жизни. *Увы мнѣ, неразъ съ глубокимъ вздохомъ восклицали они, *увы мнѣ, яко пришельствіе мое продолжится!* — *Окаленъ азъ человекъ, кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея* (Ис. 119, 5. Рим. 7, 24)! —* Съ другой стороны, настоящая жизнь есть срочное время приготовленія къ жизни будущей. Говоримъ «срочное время», потому что, по окончаніи его, нѣтъ мѣста раскаянію и исправленію, а есть мѣсто только для мздовоздаянія отъ правосуднаго Судіи, по дѣламъ каждаго. Время самое дорогое и вмѣстѣ самое опасное: время постоянной борьбы съ препятствіями и искушеніями для добродѣтели; потому что на каждомъ шагѣ по пути добродѣтели, діаволь разставилъ слугъ своихъ для уловенія подвижниковъ добра въ сѣти лукавствія. И кто изъ насъ не уловляется этими сѣтями? Хорошо, кто, при помощи Божіей, успѣетъ возникнуть отъ этихъ сѣтей, а если нѣтъ... Боже мой, какой исходъ тогда!... Умершіе младенцы избѣгли этихъ опасностей и сѣтей; безъ борьбы и искушеній, единственно божественною благодатію, они успѣли достигнуть того блаженства, котораго мы ищемъ, такъ что краткое время ихъ жителства земнаго равняется долгимъ лѣтамъ нашего подвижничества: *скончався вмаля младенецъ, исполни лѣта долга* (Прем. 4, 13); ибо таковыхъ, по слову Спасителя, есть царствіе Божіе. Посему-то, провожая исходными пѣснями умершихъ младенцевъ въ могилу, и воспѣваетъ св. Церковь: *смерть младенцемъ ослаба: житейскихъ бо золь не причастни явишася, и къ покою приспѣша и радостію небесною во Авраамскихъ нѣдрѣхъ радуются, и вѣрно лкуютъ; яко отъ тлѣнія грѣхोलюбнаго чисти отъидоша* (чинъ погр. млад., стихира). Посему не сокрушаться, а благосло-

влять безмѣрную глубину благихъ судебъ Божиихъ должны мы, поминая почившихъ младенцевъ.

О мнѣ не рыдайте, сродницы и друзи, умершій зоветъ младенца, плача бо ничтоже начинахъ достойное, паче же самихъ себе согрѣшающихъ плачете всегда.

Священникъ Алексѣй Парвовъ.